

Георгиевский Э.В.

БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация: *Общественная и государственная безопасность как объекты уголовно-правовой охраны в Древней Руси получают свое законодательное закрепление значительно позже таких объектов как личность и собственность. Это вызвано приоритетностью закрепления тех или иных объектов охраны в соответствии с определенной стадией общественного развития. Безопасность общества и государства древнерусским человеком четко не разделяется. Интересы государства воспринимаются как интересы определенной коллективной общности и караются достаточно часто очень жестко, вплоть до смертной казни. Однако и интересы общественной и государственной безопасности получают свое законодательное закрепление уже в первых нормативных актах древнерусского государства – Договорах Руси и Византии, Договорах русских и немецких городов, Русской Правде, Псковской и Новгородской судебных грамотах, церковных Уставах великих князей. Уголовно-правовой охране подлежат общественная безопасность и общественный порядок (как мирской, так и церковный), экологическая безопасность, внешняя безопасность государства.*

Review: *Social and state security as objects of criminal law protection in the Ancient Russia become legislatively supported much later than such objects as personality and property. It is due to the fact that the priority of provisions for the protection of certain objects follows from certain stages in social development. The ancient Russian people did not clearly distinguish security of state and society. The interests of the state are regarded as interests of a certain collective entity and their violation results in harsh punishment up to capital punishment. However, the interests of both social and state security are legislatively provided for in the very first acts of the ancient Russian state – the treaties between Russia and Byzantium, treaties between Russian and German cities, the Russian Truth, Pskov and Novgorod Judicial Charters, church Charters of the Great Princes. The criminal legal protection includes social security and order (both secular and religious), environmental security, foreign security of the state.*

Ключевые слова: *перевет, измена, кулачный бой, сочить бою, безопасность, зажигалник, богохульство, благочиние, хулиганство, Псковская судебная грамота*

Keywords: *perevet, treason, fistfight, cause a fight, security, incendiary, blasphemy, discipline, disorderly conduct, Pskov Judicial Charter.*

Общественная и государственная безопасность – объекты охраны, которые получают свое закрепление в уголовном законодательстве России не сразу, а только лишь после фиксации в нем интересов личности и отношений собственности. Такая очередность охраны объектов вполне объяснима. Она вызвана естественным ходом историко-правового развития, когда на позитивном уровне, в первую очередь, ставились под охрану именно те ценности и блага, которые являлись приоритетными в архаических обществах. Однако и безопасность древнерусского общества и государственная безопасность получили свое законодательное

отражение в первых нормативных актах, и их не всегда возможно было четко отделить друг от друга¹.

¹ Необходимо отметить, что ряд исследователей выделяют несколько аспектов национальной безопасности в древнерусском государстве. Так, например, Р. А. Александров считает, что одна из основных функций древнерусского государства сводилась в охране внешних границ, олицетворяя собой государственную или региональную безопасность; наведение порядка внутри являлось внутренней безопасностью; контроль международных торговых путей со временем превратился в обеспечение международной экономической безопасности (Александров Р. А. Обеспечение национальной безопасности в Средневековой Руси // История государства и права. 2006. № 10. С. 11).

Огромной, в буквальном смысле слова, проблемой общественного и государственного масштаба в Древней Руси были пожары, или точнее поджоги, вызывавшие пожары. В пожарах гибло все – люди, культурные ценности, собственность. «Зажигалник», по мнению Ю. Г. Алексева, это не просто рядовой поджигатель, а лицо, совершившее «умышленный и злостный поджог в самом Пскове»². Легко представить, какую панику и тяжелейшие последствия мог вызвать пожар, например, в период осады города врагами.

Если речь о поджогах в Русской Правде, прежде всего, идет как о посягательствах на отношения собственности, то законодательство феодальных республик видит в поджогах, в большей степени, посягательства на общественную безопасность. Именно об этом свидетельствует столь суровое наказание. И псковский «зажигалник», и новгородский «пожегщик», совершающий «позожы», карались безоговорочно смертной казнью. Более того, Новгородская судная грамота несколько более подробно, чем Псковская, регламентирует процедуру привлечения «пожегщиков» к уголовной ответственности. Согласно данным В. М. Клеандровой, над ними категорически запрещалось осуществлять самосуд разъяренной толпе, что, безусловно, в том числе было направлено на дополнительную охрану интересов правосудия. В кратчайшие сроки, определяемые фразой «на сто верст три недели», их было необходимо доставить строго определенными официальными лицами на владычий суд, который осуществлялся по делам о поджоге только после принесения истцом специальной присяги³. Примечательно замечание, делаемое С. Г. Аксеновым, о том, что меры борьбы непосредственно с пожарами были на Руси разработаны слабо и носили эпизодический характер, так как дружина тушению пожаров специально не обучалась, а взрослое население к тушению привлекалось непосредственно по факту⁴.

Достаточно интересным, на наш взгляд, является предположение, высказанное в одной из своих работ

² Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1980. С. 45.

³ Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 307 – 308, 318.

⁴ Аксенов С. Г. Меры борьбы с пожарами на Руси в IX – XIV веках (Историко-правовой аспект) // История государства и права. 2006. № 3. С. 42.

Л. М. Рахимовой. Исследуя историю охраны объектов природы в период феодальной раздробленности древнерусского государства, ученая приходит к выводу о том, что законодательство того периода охраняло природные объекты великокняжеских, монастырских и общинных владений исключительно от чужого посягательства, путем установления запретов на использование природных богатств другими лицами. То есть охрана природных объектов в XII – XV вв. была реализована через охрану частных и государственных интересов⁵. Очевидно, что с данным мнением можно согласиться, так как ограничение природопользования в целях сохранения некоторых видов животных, например, четко просматривается уже в нормах Русской Правды. Вполне вероятно, что такую охрану можно считать первоначальным фундаментом обеспечения экологической безопасности.

Одним из видовых объектов, представляющих общественную безопасность как явление родового характера, также является общественный порядок. Проследить генезис преступных посягательств и на общественный порядок в Древней Руси представляется достаточно сложной задачей. Эта сложность обусловлена вполне объективными причинами, важнейшей из которых, по нашему мнению, является очень долго существовавший на Руси обычай кулачных боев. Похвальба молодецкой удалей, дерзостью и силой, нередко сопровождавшаяся повреждением и уничтожением чужого имущества, были в порядке вещей, освящались вековым языческим обычаем. Именно этот факт длительное время, практически, нивелировал формирование и развитие такого объекта охраны, как общественный порядок. До тех пор, пока это не стало входить в явное противоречие с новой, формирующейся христианской этикой и моралью⁶. Различные цер-

⁵ Рахимова Л. М. Охрана объектов природы в период феодальной раздробленности (по материалам грамот и уставов XII – XV веков) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). Ч. III. С. 164.

⁶ П. Мрочек-Дроздовский, характеризуя общественное устройство Новгорода, отмечает, что обычай кулачных боев берет свое начало со времен язычества и напрямую связан с культом Перуна, в одном из значений бога войны. А сами эти драки («бесовские утехы»), когда бились не на жизнь, а на смерть, свидетельствовали о том, что у новгородцев уже не осталось следов родового быта, а была типичная соседская община (Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. М., 1901. С. 189 – 191).

Правовое обеспечение национальной безопасности

ковные правила и поучения категорически запрещали отпевать убитых во время различных «пивных» боев – свадебных пиршеств, пиров братчины и иных празднеств, полагая последние «бесовским наваждением» и «бесовскими игрищами»⁷.

Одним из первых, наиболее ярких упоминаний в древнерусском законодательстве о возможном нарушении устоявшегося общественного порядка грубыми действиями, является положение статьи два «а» Договора Руси и Византии 944 г. В ней говорится, что «да не творять бещинья в селе ни в стране нашей»⁸. Возможно, что безобразное поведение варягов, составлявших значительную часть русских посольств, заставило константинопольских базилевсов принимать меры предосторожности. Эти меры выразились в запрещении русским появляться в Царьграде с оружием, более пятидесяти человек за один раз. Они обязательно сопровождалась императорским чиновником, и поселялись не в самом городе, а в предместье (у монастыря Святого Мамонта)⁹.

Грубые, фактически хулиганские действия варяжской дружины в Новгороде в начале XI века натолкнули Б. А. Рыбакова на мысль о том, что именно такое поведение варягов и стало поводом для Ярослава, «списавшего» для новгородцев Устав. По мнению академика, «частной инструкцией для разбора драк и столкновений в Новгороде» следует считать Древнейшую Правду (или Правду Ярослава)¹⁰. Вот как воссоздает картину тогдашней жизни Б. А. Рыбаков: «Чем только не дерутся! В «Правде» целая кинокартина с натуры: дерутся батогами, жердью, кулаком, чашей и рогом (очевидно, «в пиру»), мечом, только не вынимая его, без членовредительства; или, обнажив меч, рубят руки, ноги и калечат до «хромоты»; летят пальцы, дело доходит до усов, до бороды; бывает, вспыхнет кто, схватится за меч, даже обнажит его, но опомнится и «не тнет», или в пылу спора «ринет» один другого, т.е. дернет на себя или оттолкнет...»¹¹. Очевидно, что подобная иллюстрация жизни древнерусского города в каких-либо

дополнительных комментариях просто не нуждается. На Руси X – XI вв. практически любое насильственное преступление против личности или собственности превращалось в побоище, серьезно дезорганизуя устоявшийся патриархальный быт наших предков.

Первый, более или менее явно очерченный состав, диспозиция которого включает в себя грубые, озорные и, вместе с тем, оскорбительные действия получает свое закрепление в статье восьмой Договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189 – 1199 гг. «Оже съгреньеть чюжеие жене побои с головы или дщъри, явиться просто волоса, 6 гривень старые за соромъ»¹². Вероятно, в диспозиции данной статьи определенным образом сочетается два состава преступления. Во-первых, это оскорбление девушки или женщины. А во-вторых, сам способ совершения преступления – при всем народе, путем срывания повоев (головного убора) содержал в себе элементы хулиганских действий.

Псковская судная грамота в большей степени регулирует ответственность за нарушение телесной неприкосновенности, формулируя ряд составов, фактически посвященных уличным дракам и побоям. Так, в статье сто двадцатой устанавливается единая ставка штрафа князю и вознаграждения потерпевшим, независимо от количества лиц, участвующих в избиении и количества потерпевших. «А кто учнет на ком сочить бою пять человек, или десять, или сколько нибуди, на 5, или на одном, боев своих, да оутяжут, ино им присужать всим, за все боеви, один рубль, и княжая продажа одна»¹³. Кроме того, «бой», а именно этот термин преимущественно использует псковский законодатель, упоминается в статье двадцатой, хотя сама статья преимущественно является процессуальной, а также еще в нескольких статьях. Например, в статье сто пятой речь идет о побоях, причиненных иностранцу. А статья сто одиннадцать предусматривает ответственность за нанесение побоев истцу на суде¹⁴. О том, что «бой» это ручная обида, то есть нанесение побоев в драке руками (кулаками), говорит Н. Мурзакевич¹⁵.

⁷ См.: Шинкарук В. М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве: дисс. к-та юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 15.

⁸ Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. С. 32.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 418 – 420.

¹¹ Рыбаков Б. А. Рождение Руси. М., 2003. С. 198.

¹² Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригию и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. Найдены в Рижском архиве К. Э. Напиерским и изданы Археологическою комиссией. СПб., 1857.

¹³ Псковская судная грамота (1397 – 1467). Издание второе. Одесса, 1868. С. 16.

¹⁴ Российское законодательство X – XX веков. Т.1. С. 341 – 342.

¹⁵ Псковская судная грамота (1397 – 1467). Издание второе. С. 3 (пояснительного словаря).

Статья двадцать седьмая также посвящается бою в публичном месте, то есть, фактически, уличной драке. В первой части статьи говорится о том, что если учинится драка (избиение) где-либо на торговой площади, на улице Пскова или в пригороде, или в каком-либо селе или волости в пиру, и при этом не будет состава грабежа по совокупности, а эту драку увидят «многы люди», то достаточно четырех-пяти свидетелей, чтобы субъект был присужден к штрафу¹⁶.

Прежде всего, необходимо отметить достаточно четкую «прорисовку» законодателем места совершения преступления. Возможно, что это четкое определение законодателем дополнительного признака объективной стороны, дало основание Ю. Г. Алексееву считать, что усиление внимания к этому новому преступлению («публичному избиению») свидетельствует о росте значения государственной власти. «Речь идет, – пишет ученый, – о драке между участниками пира или о свалке на улице или на торгу. Нет сомнения, что такого рода явления бывали и во времена Правды. Однако княжой суд Правды не останавливается на них, рассматривая только случаи индивидуальных драк и телесных повреждений. Суд псковской общины вмешивается и в коллективные побоища, и в драки вообще независимо от их последствий»¹⁷. Хотя с такой точкой зрения не согласна Т. Е. Новицкая, указывающая на тот факт, что судебное разбирательство все равно назначалось только по жалобе потерпевшего. А термин «бой» используется в очень многих статьях Псковской судной грамоты и не может сам по себе свидетельствовать о «рождении» нового состава преступления¹⁸.

Нам кажется, что в данном случае прав Ю. Г. Алексеев и именно потому, что псковский законодатель, как мы уже отметили, очень четко указывает в диспозиции статьи на признак места совершения преступления, делая его, по сути, обязательным. В других статьях такого четкого акцента на место совершения преступления просто не делается. А Ю. Г. Алексеев и сам указывает на то, что драки, ставшие последствием пира, еще слишком традиционны, чтобы вечное законодательство полностью взяло их под свой контроль. У участников таких

побоищ продолжает оставаться право примирения. Но государство, на наш взгляд, и начинает вмешиваться в такие дела именно потому, что это серьезно подрывает общественный порядок и мир Пскова, просто делает оно это достаточно осторожно и постепенно, отдавая дань крепким народным (общинным) традициям.

Уделяет внимание, в том числе и общественному порядку древнерусская православная церковь. Прежде всего, княжеским церковным законодательством (Церковным Уставом князя Владимира и Уставом князя Ярослава о церковных судах) запрещались посягательства на установленный порядок осуществления православных служб в церкви. Очень часто службы могли быть нарушены или даже сорваны именно грубыми, непристойными действиями. К таким действиям относились: появление в церкви в пьяном виде, драки в церкви, громкий шум и разговоры, мешающие осуществлению службы, «или что ино неподобно церкви подееть»¹⁹. Как особая дерзость расценивалось введение скота в церковь («кто без особой нужды скот или псы или поткы введет»). Как вандализм, т. е. так же посягательство на общественный порядок, следует расценивать действия по повреждению церковных стен или крестов, путем высечения на них различных надписей или рисунков («крест посекут или на стенах режут»).

«Вероятно, – пишет В. М. Шинкарук, – ответственность виновного за совершение таких действий связывалась, как бы сейчас сказали, с причинением вреда нравственным чувствам большого числа лиц, ведь посещение церкви носило массовый характер»²⁰. Придерживаясь, таким образом, точки зрения, что хулиганство на Руси появляется именно с принятием христианства, В. М. Шинкарук указывает на интересную точку зрения о происхождении термина «хулиганство». Н. И. Коржанский высказывает ее в своей работе «Квалификация хулиганства». В соответствии с ней, термин «хулиганство» берет свое начало от термина «богохульство», где корень «хула» означает неуважение, резкое осуждение, порочащие слова²¹.

К посягательствам на семейные устои относились драки между мужем и женой, между детьми и родителями. Особым видом нарушения «патриархальной тишины» считались драки между женщинами,

¹⁶ Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 345.

¹⁷ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 60.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т.1. С. 358.

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 153–161.

²⁰ Шинкарук В. М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве. С. 15.

²¹ Там же. С. 16.

Правовое обеспечение национальной безопасности

которые предусматривала, в частности, Смоленская уставная грамота 1136 г.²²

Таким образом, можно констатировать, что среди объектов уголовно-правовой охраны, предусмотренных законодательством Древней Руси, можно, хоть и условно, выделить еще один, который можно было бы назвать термином – устои православно-патриархального быта, то, что в России XVIII в. получило название «благочиние». Он не просматривается, может быть, безусловно, среди других объектов, но не говорить о нем нельзя. А сложности подобного выделения обусловлены, во многом, теми же самыми причинами, что и в современном уголовном праве России – сложностью анализа составов, предусматривающих хулиганские действия, их «растворенностью» среди иных насильственных действий, которые скрывают, порой, истинный смысл содеянного.

В Псковской судной грамоте как объекты уголовно-правовой охраны начинают оформляться интересы государственной власти, обеспечивающие безопасность от внешних врагов, а также ряд иных объектов, таких, например, как общественная безопасность, посягательство на которые приравнивается к особо тяжким государственным преступлениям. Однако необходимо, на наш взгляд, учитывать специфику эпохи и понимать, что нашими предками такие посягательства как государственные еще не воспринимались. Для наших далеких предков это были посягательства, несущие в себе всеобщую опасность. «И в самом деле, – пишет А. Богдановский, – несколько преступных действий или по общественному своему характеру (как заключающие в себе нарушение общественных прав) или по той опасности, которая грозит от всем и каждому, изъяты здесь из общего порядка, отчислены к неплатным винам, как такие, за которые уже нельзя рассчитаться деньгами в пользу истца или князя, а должно поплатиться своею личностью»²³. Именно поэтому наказанием в данных случаях становилась смертная казнь, как наказание уголовного характера, а не исправительного.

Возможно, именно поэтому Псковский законодатель измену («перевет»²⁴) упоминает в той же

статье, где говорит о «зажигательстве», «кромской и коневой татьбе»²⁵. Интересной в этой связи представляется точка зрения Ю. Г. Алексеева, который полагает, что «кримский тать», совершающий хищение из Псковского кремля, вполне мог при этом покушаться и на государственные ценности или государственную тайну. Именно поэтому псковский законодатель приравнивает такого татя к «переветнику», как лицу, совершающему государственную измену, переход на сторону противника, выдачу государственной тайны. Да и татьбу, совершенную на посаде, но в третий раз, он приравнивает к «кромской», «кримской» и карает смертью²⁶.

Раскрывая понятие, определяемое термином «перевет», П. Мрочек-Дроздовский указывает, что это передача неприятелю нужных ему сведений об отечестве изменника, о его силах, средствах, состоянии и ходе дел в нем²⁷. О том, каким образом осуществлялся перевет свидетельствуют различные летописные материалы. Так, в летописях упоминается сдача города, проведение врагов по определенному пути²⁸.

Уточняя понятие «перевета», Ю. В. Оспенников трактует его не столько как государственную измену, сколько как «предательство корпоративных интересов определенной общности (обычно – городской общины)». Иными словами, согласно точке зрения исследователя, перевет – противопоставление некоего меньшинства определенной общности ее большинству²⁹. Мы полагаем, что чем-то эта позиция сходна с обозначенной выше позицией А. Богдановского³⁰. Несмотря на то, что перевет в законодательных памятниках нигде, кроме Псковской судной грамоты, не

ское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). СПб., 1884. С. 105).

²⁵ Российское законодательство X – XX веков. Т.1. С. 332.

²⁶ Там же. С. 332.

²⁷ Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов. Пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. С. 24.

²⁸ См.: Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 96.

²⁹ Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв.: монография. М., 2011. С. 332.

³⁰ Тем не менее, ряд исследователей достаточно устойчиво считает перевет именно государственной изменой и переходом на сторону врага, отмечая четкую антигосударственную направленность данного посягательства (См.: Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Охрана власти по Русской Правде, Уставам и Уставным грамотам // Lex Russica. 2009. № 6. С. 1315 – 1316).

²² Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 220.

²³ Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 100.

²⁴ Согласно данным Н. И. Ланге, о внешней измене и лазутчестве, как посягательствах на внешнюю обороноспособность государства, в законодательных актах России не упоминается больше вплоть до начала XVII века (Ланге Н. И. Древнее рус-

упоминается, это преступное деяние имеет гораздо более раннее происхождение. Термин «перевет», а также синонимичный с ним «держат совет» на кого-либо упоминаются в различных летописях уже в XII в.³¹ Всех переветников однозначно подвергали смертной казни. «Рассмотренные обстоятельства, – пишет Ю. В. Оспенников, – позволяют полагать, что в период XII – XIV вв. наказание за перевет осуществлялось обычно в виде потока и разграбления, особенностью которого на северо-западе Руси являлось убийство преступника, при этом преступника сбрасывали с моста (топили) или вешали»³².

Кроме того, на наш взгляд, необходимо учитывать уточнение, делаемое М. Ф. Владимирским-Будановым. Согласно ему, особенности вечевых устройств древнерусских земель не позволяли еще в полной мере осознавать различия между изменами «верховой» и «земской». «Понятие земской измены было доступнее и легче, но не в отношении между русскими землями: содействие стороннему князю, добывающему стол, могло не казаться изменой. Лишь тайный перевет с врагами своего князя всегда осуждается...»³³. Здесь, очевидно, в первую очередь имеется в виду сношение с внешними врагами.

И раньше, чем в других землях, «перевет» начинает оформляться именно в Новгородской и Псковской феодальных республиках, граничащих с Литвой и Тевтонским орденом. Именно в этих республиках особенно остро ощущалась необходимость борьбы с изменой³⁴. Однако необходимо понимать, что внешняя обороноспособность древнерусского государства начала нуждаться в интенсивной уголовно-правовой защите далеко не в эпоху формирования феодальных республик, а гораздо раньше. Просто первенство в закреплении нормы о государственной измене принадлежит именно Псковской судной грамоте.

В современном уголовном праве России безопасность как объект уголовно-правовой охраны определяется достаточно широко и емко³⁵. Под ней понимается «состояние защищенности государствен-

ного и общественного строя России от угроз извне»³⁶. При этом специфика объекта выражается в том, что угроза исходит извне, а обращена она может быть на любую охраняемую государством сферу общественных отношений, например, политику, экономику, науку, экологию и т. д.³⁷ Мы присоединяемся к точке зрения Биккинина И. А., Блинникова С. А. и Пудовочкина Ю. Е., полагающих, что такой объект, как территориальная целостность и неприкосновенность государства, хоть и не предусматривается напрямую современным уголовным правом России, но, тем не менее, существует в качестве и основного непосредственного и дополнительного непосредственного объекта в целом ряде составов³⁸. И уж во всяком случае, такой объект мог быть выделен в ту эпоху развития древнерусского государства, когда «задача обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности государства была сродни задаче его собственного укрепления и развития»³⁹. «Жизнь, – пишет П. П. Пусторослев, – выработала в людях потребность объединения в государство, жизнь и поддерживает эту потребность, постоянно, энергично, на деле, самым опытом внушая людям, что без государственного союза крайне трудно, а часто и невозможно обеспечить удовлетворение многих других настоятельных потребностей»⁴⁰.

Представляется, что внешняя безопасность древнерусского государства и ее территориальная целостность начали нуждаться в защите с тех самых пор, когда внешним границам формирующегося государства Древняя Русь начали угрожать военными набегами многочисленные недружелюбные соседи⁴¹. Да и сами древние русичи были не прочь побороться

³¹ Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. С. 332 – 333.

³² Там же. С. 334 – 335.

³³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 321.

³⁴ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 165.

³⁵ Он стал еще более емким после изменений редакций ст. ст. 275 и 276 УК России Федеральным законом № 190 от 12. 11. 2012 г.

³⁶ См.: Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 19.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Биккинин И. А., Блинников С. А., Пудовочкин Ю. Е. Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты. Р-н/Д, 2004. С. 30 – 31.

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ Пусторослев П. П. Государственные преступления относительно Государственной Думы // Вестник права. 1906. Книга вторая. С. 75.

⁴¹ Так, например, согласно новейшим археологическим исследованиям на рубеже эр на территорию Западного Поволжья проникли, вышедшие из лесостепных районов Зауралья, военные отряды угров (См.: Зубов С. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I – III вв.). Saarbrücken, 2011. С. 118 – 119).

Правовое обеспечение национальной безопасности

за удобные караванные пути и богатую дань многочисленных неславянских, да и, что там греха таить, славянских земель. Интересна характеристика, даваемая раннему княжескому дому Рюриков, Н. И. Костомаровым. «При князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и до некоторой степени, подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей...»⁴².

Противостояние шведам на севере, немцам и датчанам на западе, венграм и полякам на юго-западе, монголам на юго-востоке и востоке в XII – XIV вв.⁴³ приводило к необходимости заключения большого количества мирных договоров, которые, очевидно, в целом и необходимо рассматривать, как первые нормы, охраняющие внешнюю безопасность древнерусского государства периода формирования и последующей феодальной раздробленности. В X в. такие договоры заключались с Византией⁴⁴. Обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае нападения каких-либо врагов, которые оговаривались в таких двусторонних договорах, фактически и представляли собой закрепление в качестве объекта охраны внешнюю безопасность того или иного договаривающегося государства. Слишком уж были интенсивны высказывания о невозможности нарушения мира, скрепляемые многочисленными клятвами. При этом тем, кто был крещен, грозила гибель в этом мире и загробном за нарушение клятв, а тем, кто не был крещен, тем грозила смерть от собственного оружия, а также отсутствие помощи от Перуна⁴⁵. «Договоры, – пишут

С. В. Бахрушин и Е. А. Косминский, – отражают еще очень ранние стадии международных отношений, когда подданные различных государств глядели друг на друга, как на естественных врагов, когда человек, попадавший в чужую страну, чувствовал себя во враждебном стане. Пребывание, даже временное, в этой враждебной среде требовало, поэтому, регламентации всех деталей, чтобы, с одной стороны, оградить чужеземца от обид, с другой – обезвредить его»⁴⁶.

Древние государства существовали без государственных границ в современном их понимании. Военные вторжения фиксировались только в тех случаях, когда непосредственному разграблению и уничтожению подвергались те или иные населенные пункты. Однако уже в Киевской Руси начинают строиться так называемые города-крепости, основными функциями которых становилась охрана окраинных рубежей. При этом первоначально оборона границ древнерусского государства осуществлялась путем сооружения так называемых «длинных стен» («змиевых валов»). Однако решению оборонительных задач размещение змиевых валов не соответствовало. «Плохо организованная защита внешних пределов, – утверждает Ю. Ю. Моргунов, – свойственна ранним стадиям сложения государственной территории. Для этого периода характерна неточная оценка уязвимых точек собственных границ и слабое знакомство с тактикой и путями движения противника»⁴⁷. Гораздо более эффективной являлась защита границ при помощи крепостей, которые являлись точечными узлами обороны. Применение таких крепостей предполагало хорошее знание тактики и путей продвижения противника, знания слабых звеньев собственных рубежей, а кроме того, в таких крепостях размещались гарнизоны, включавшие профессиональных воинов⁴⁸.

Очевидно, что своеобразным прообразом первых пограничных стражей являлись дозорные, в задачу которых входило визуальное слежение за возможным появлением врага и предупреждение различными сигналами о его приближении. В процессе образования русского централизованного государства задачу по предотвращению внезапных нападений внешних врагов выполняли специальные стражи, которые несли

⁴² Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1: Господство дома Святого Владимира X – XVI столетия. СПб., 1907. С. 3.

⁴³ Об этом подробнее см.: Паушто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

⁴⁴ Конечно, первые военные угрозы древнерусскому государству возникли уже в VII – VIII вв., когда у славянских племен начинает формироваться система отношений под названием военной демократии и они начинают бороться, например, с хазарами за Волжский торговый путь, а с половцами за Днепровский торговый путь (См.: Гуров М. П., Латышов В. Ф. Институционализация экономических отношений механизма обеспечения безопасности России в период феодализма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 157).

⁴⁵ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 36.

⁴⁶ История дипломатии. Том 1: Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. С. 115.

⁴⁷ Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X – XIII веков. М., 2009. С. 228.

⁴⁸ Там же. С. 229.

службу в тайных притонах и караулах⁴⁹. Появление такой стражи, по мнению И. Д. Беляева, было связано с победой над ордынцами и последующей возможностью открытого слежения за ними, без опаски вызвать их гнев. Произошло это позднее 1360 г.⁵⁰

Примечательно, но уже в Древнем Китае устанавливалась персональная уголовная ответственность дозорных и караульных за невыполнение ими своих служебных обязанностей по охране рубежей государства. Так, статья восьмьдесят девять восьмого Цзюаня Уголовного кодекса китайской династии Тан (618 – 907 гг.) устанавливает наказание в виде полутора лет каторги за то, что наблюдатели (хоу ван) не заметили внешних злодеев, входящих внутрь. Дозорные сигнальных маяков практически за те же самые действия наказывались уже трехлетней каторгой в соответствие со статьей девяносто⁵¹.

Еще одним способом предотвращения разбойных и военных набегов в древнерусском государстве было патрулирование, осуществляемое княжескими дружинами. Одной из таких патрульных дружин был отряд Игоря Святославича, курсировавший по левому берегу Ворсклы сухоходом между бассейнами Днепра и Дона в 1174 г.⁵²

«Проблемным» окружением обладала к VIII – X вв. и Древняя Польша. Так, например, Западному Поморью, которое более других стремилось к централизации, с моря угрожали бесчисленные дружины скандинавских викингов и датчан, а кроме того, давление осуществлялось со стороны Лютического союза и великопольского князя. Основной же проблемой для всех поморских и полабских славян были немцы (древние франки, ведомые сначала Карлом Великим, затем Генрихом Первым)⁵³. Согласно точке зрения,

⁴⁹ См.: *Телелюхин Д. К.* Становление и правовое регулирование станичной и сторожевой службы на рубежах русского централизованного государства // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2007. № 7. С. 100.

⁵⁰ *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 2.

⁵¹ См.: Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1 – 8. СПб., 1999. С. 353 – 355.

⁵² См.: *Звагельский В. Б.* К вопросу о пограничных территориях Юго-Востока Руси во 2-й половине XII века // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г., приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск, 2010. С. 383.

⁵³ См.: *Державин Н.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. С. 19 – 21.

М. К. Любавского, Карлу Великому, например, пришлось иметь дело не с мелкими многочисленными племенами, а с серьезными племенными союзами – Бодрицким, Лютическим, Сербским, Чешским⁵⁴.

Однако, тем не менее, ко второй половине X в. завершился процесс образования «относительно единого Древнепольского государства»⁵⁵. И вот, что интересно, в отличие от древнерусского государства, древнепольское обладало очень серьезной армией, способной защищать свои границы, практически, со всех сторон. Во-первых, так же как и в Древней Руси это были княжеские дружины – «старейшая», «молодшая», «детские» и отроки. Во-вторых, и это главное отличие, у поляков существовало почти двадцатитысячное феодальное ополчение, действовавшее постоянно и базировавшееся в различных городах. И, в-третьих, у древних поляков было очень четкое разделение родов войск. Существовали «панцырники» – тяжелая кавалерия, состоявшая из бывших дружинников и «щитники» – пехота, вооруженная луками и щитами, формирующаяся за счет свободных общинников⁵⁶.

Кроме того, и в правовом отношении древняя Польша отличалась от Древней Руси в вопросах закрепления уголовной ответственности за посягательства на внешнюю безопасность. Во всяком случае, в Польской Правде норма об измене государству была закреплена значительно раньше, чем в древнерусском уголовном законодательстве. И дело здесь не столько в том, что сама Польская Правда была создана в середине XIII в. и отражала польское общество в период XII – XIII вв., а норму об измене в Древней Руси фиксирует только Псковская судная грамота. Сколько в том, что в Польской Правде норма об измене государству выражается через правила судебного поединка, что свидетельствует о ее очень раннем происхождении. И в случае если обвиняемый в измене побеждал, он, очевидно, освобождался от наказания. В том случае, если обвиняемый в измене проигрывал поединок, он подлежал дальнейшей казни путем побивания его камнями⁵⁷.

Постановления статьи седьмой Псковской судной грамоты о перевете сомнений в публичности нака-

⁵⁴ *Любавский М. К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917. С. 27.

⁵⁵ См.: *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957. С. 136.

⁵⁶ Там же. С. 145 – 147.

⁵⁷ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 745.

Правовое обеспечение национальной безопасности

зания, или, во всяком случае, его общественности, не оставляют. И вот что удивительно. Процедура публичной казни на Северо-Западе Руси в ряде случаев была очень близкой по своему характеру, применяемой к изменникам древними поляками. Более того, она применялась в Новгороде даже в начале XVI в. «В этом же Новгороде, – пишет польский ученый Матвей Меховский, – издавна стали постоянными несчастиями убийства и грабежи: часто при обнаружении или обвинении какого-нибудь преступника, начинали бить в колокол совета (претории), где сидели в качестве судей сто сенаторов, все длиннородые по обычаю Родины. Народ, услышав звон колокола, сбегался со всего города, причем каждый хозяин захватывал два камня в руки, а сыновья его по столько же... Когда сенаторы выносили обвинительный приговор преступнику, близстоящие осыпали его камнями и убивали, а затем шумной толпой бежали к дому убитого и разграбляли все его имущество. Дом с участком продавался, а деньги конфисковывались в пользу государства»⁵⁸.

В древнеармянском Судебнике Смбата государственная измена являлась одним из самых значимых преступных посягательств, которое упоминалось уже в первом параграфе. К формам государственной измены относились, в первую очередь, военная измена – сдача крепости неприятелю. Во-вторых, изменой считалось предательство в отношении царя, выразившееся в отъезде феодалов без согласия царя. К государственной измене в Киликийском государстве относилось и казнокрадство, каравшееся смертной казнью и продажей жены и детей преступника⁵⁹.

Очень интересные положения об охране внешней безопасности средневековых португальских городов содержат несколько форалов. Так, в частности, Форал Гварды 1199 г. начинается с требования короля Португалии жителям Агуарды всегда держать в боевой готовности две трети городского гарнизона для защиты от внешних нападений⁶⁰. А Форал Ковильяна постановлял держать для этих же целей в постоянной боевой готовности одну треть конного войска⁶¹. Более того, в средневековом праве

Португалии существовало такое понятие как «апелида», что означало всеобщий призыв по тревоге всех жителей города в случае военного нападения. Если кто-либо не являлся по данному призыву, то должен был заплатить штраф. При этом рыцари платили десять солидов, пехотинцы – пять⁶².

Таким образом, древнерусское государство, находясь в достаточно непростых геополитических условиях в период X – XV вв. всеми доступными к тому времени способами стремилось обеспечить собственную безопасность и безопасность общества, осуществляя, в том числе, и нормативное закрепление соответствующих объектов уголовно-правовой охраны.

Библиография:

1. Аксенов С. Г. Меры борьбы с пожарами на Руси в IX – XIV веках (Историко-правовой аспект) // История государства и права. 2006. № 3. С 38 – 42.
2. Александров Р. А. Обеспечение национальной безопасности в Средневековой Руси // История государства и права. 2006. № 10. С. 11 – 12.
3. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. / Ю. Г. Алексеев / Под ред. Н. Е. Носова. – Л.: Наука, 1980. – 242 с.
4. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине московского государства до царя Алексея Михайловича / И. Беляев. – М.: Университ. тип., 1846. – 172 с.
5. Биккинин И. А. Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты / И. А. Биккинин, С. А. Блишников, Ю. Е. Пудовочкин. – Ростов-н/Д: Ростовский юридический институт Российской правовой академии Минюста России, 2004. – 216 с.
6. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / А. Богдановский. – М.: В тип. Каткова, 1857. – 145 с.
7. Варьяш О. И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в средние века / О. И. Варьяш. – М.: Наука, 2006. – 451 с.

⁵⁸ См.: Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века. М., 2005. С. 32.

⁵⁹ Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI – XIV вв.). Ереван, 1969. С. 278 – 279.

⁶⁰ См.: Варьяш О. И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в средние века. М., 2006. С. 352.

⁶¹ Там же. С. 355.

⁶² Там же. С. 356.

8. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. – М.: Изд. дом «Стратегия», 2005. – 288 с.
9. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-н/Д: Изд-тво Феникс, 1995. – 640 с.
10. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. Найдены в Рижском архиве К. Э. Напиерским и изданы Археографическою комиссией. – СПб., 1857. – 29 с.
11. Гуров М. П., Латыпов В. Ф. Институционализация экономических отношений механизма обеспечения безопасности России в период феодализма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 156 – 162.
12. Державин Н. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками / Н. Державин. – М.: Гос. изд-во полит лит-ры, 1943. – 96 с.
13. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность / С. В. Дьяков. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – 320 с.
14. Звагельский В. Б. К вопросу о пограничных территориях Юго-Востока Руси во 2-й половине XII века // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г., приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск, 2010. С. 381 – 390.
15. Зубов С. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I – III вв.) / С. Зубов. – Hamburg: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 209 с.
16. История дипломатии. Том 1: Под ред. В.П. Потемкина. – М.: ОГИЗ, 1941. – 566 с.
17. Королук В. Д. Древнепольское государство / В. Д. Королук. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 214 с.
18. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М.: Мысль, 1993. – 432 с.
19. Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков) / Н. И. Ланге. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншеля, 1884. – 248 с.
20. Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков): Лекции, читанные в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве / М. К. Любавский. – М.: Тов-во скоропечат. А. А. Левенсон, 1917. – 473 с.
21. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / И. Д. Мартысевич. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 208 с.
22. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X – XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. – М.: Наука, 2009. – 303 с.
23. Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов : пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям / П. Мрочек-Дроздовский. – М.: Университ. тип., 1901. – 314 с., 8 с.
24. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв.: монография / Ю. В. Оспенников. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 408 с.
25. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. – Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – 287 с.
26. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1953. – Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. – 442 с.
27. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век) / В. Т. Пашуто. – М.: Госполитиздат, 1956. – 280 с.
28. Псковская судная грамота (1397 – 1467). Издание второе. – Одесса, 1868. – VI с; 16 с; 28 с; 12 с.
29. Пусторослев П. П. Государственные преступления относительно Государственной Думы // Вестник права. 1906. Книга вторая. С. 75 – 133.
30. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1986. – 345 с.
31. Рахимова Л. М. Охрана объектов природы в период феодальной раздробленности (по материалам грамот и уставов XII – XV веков) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). Ч. III. С. 162 – 165.
32. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 430 с.

Правовое обеспечение национальной безопасности

33. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1993. – 599 с.
34. Рыбаков Б. А. Рождение Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: «Аиф Принт» 2003. – 447 с.
35. Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI – XIV вв.) / А. Г. Сукиасян. – Ереван: Изд-во «МИТК», 1969. – 334 с.
36. Телелюхин Д. К. Становление и правовое регулирование станичной и сторожевой службы на рубежах русского централизованного государства // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 7. С. 100 – 104.
37. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1 – 8. Введ., перевод с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. – 384 с.
38. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – 950 с.
39. Шинкарук В. М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве: дисс. к-та юрид. наук / В. М. Шинкарук. – Волгоград, 2002. – 197 с.
6. Bogdanovskiy A. Razvitie ponyatiy o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo / A. Bogdanovskiy. – М.: V tip. Katkova, 1857. – 145 s.
7. Var'yash O. I. Pireneyskie tetradi: pravo, obschestvo, vlast' i chelovek v srednie veka / O. I. Var'yash. – М.: Nauka, 2006. – 451 s.
8. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava / M. F. Vladimirskiy-Budanov. – Rostov-n/D: Izd-tvo Feniks, 1995. – 640 s.
9. Gurov M. P., Latypov V. F. Institucionalizaciya ekonomicheskikh otnosheniy mehanizma obespecheniya bezopasnosti Rossii v period feodalizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 1 (53). S. 156 – 162.
10. Derzhavin N. Vekovaya bor'ba slavyan s nemeckimi zahvatchikami / N. Derzhavin. – М.: Gos. izd-vo polit lit-ry, 1943. – 96 s.
11. D'yakov S. V. Gosudarstvennye prestupleniya (protiv osnov konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva) i gosudarstvennaya prestupnost' / S. V. D'yakov. – М.: Izd-vo NORMA, 1999. – 320 s.
12. Zvangel'skiy V. B. K voprosu o pogranych territoriyah Yugo-Vostoka Rusi vo 2-y polovine XII veka // Russkoe nasledie v stranah Vostochnoy i Central'noy Evropy: Materialy mezhdunarstvennoy nauchnoy konferencii 5-8 iyulya 2010 g., priurochennoy k 600-letiyu bitvy pri Gryunval'de. Bryansk, 2010. S. 381 – 390

References (transliteration):

1. Aksenov S. G. Mery bor'by s pozhamami na Rusi v IX – XIV vekah (Istoriko-pravovoy aspekt) // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. № 3. S 38 – 42.
2. Aleksandrov R. A. Obespechenie nacional'noy bezopasnosti v Srednevekovoy Rusi // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. № 10. S. 11 – 12.
3. Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nyh otnosheniy na Rusi XIV – XV vv. / Yu. G. Alekseev / Pod red. N. E. Nosova. – L.: Nauka, 1980. – 242 s.
4. Belyaev I. O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na pol'skoy ukraïne moskovskogo gosudarstva do carya Alekseya Mihaylovicha / I. Belyaev. – М.: Universit. tip., 1846. – 172 s.
5. Bikkinin I. A. Obespechenie territorial'noy celostnosti i neprikosnovennosti Rossiyskogo gosudarstva: sravnitel'no-pravovye i ugovolno-pravovye aspekty / I. A. Bikkinin, S. A. Blinnikov, Yu. E. Pudovochkin. – Rostov-n/D: Rostovskiy yuridicheskiy institut Rossiyskoy pravovoy akademii Minyusta Rossii, 2004. – 216 s.
13. Zubov S. Voinskie migracii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I – III vv.) / S. Zubov. – Hamburg: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 209 s.
14. Istoriya diplomatii. Tom 1: Pod red. V.P. Potemkina. – М.: OGIZ, 1941. – 566 s.
15. Korolyuk V. D. Drevnepol'skoe gosudarstvo / V. D. Korolyuk. – М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957. – 214 s.
16. Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavneyshih deyateley / N. I. Kostomarov. – М.: Mysl', 1993. – 432 s.
17. Lange N. I. Drevnee russkoe ugovolnoe sudoproizvodstvo (XIV, XV, XVI i poloviny XVII vekov) / N. I. Lange. – SPb.: Tip. i hromolit. A. Transhelya, 1884. – 248 s.
18. Lyubavskiy M. K. Istoriya zapadnyh slavyan (pribaltiyskiy, chehov i polyakov): Lekcii, chitannye v Moskovskom universitete i na Vysshih zhenskikh kursah v Moskve / M. K. Lyubavskiy. – М.: Tov-vo skoropechat. A. A. Levenson, 1917. – 473 s.

19. Martysevich I. D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie / I. D. Martysevich. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1951. – 208 s.
20. Morgunov Yu. Yu. Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X – XIII vekov / Yu. Yu. Morgunov. – M.: Nauka, 2009. – 303 s.
21. Mrochek-Drozdovskiy P. Pamyatniki russkogo prava vremeni mestnyh zakonov : posobie k slushaniyu lekcii i k prakticheskim zanyatiyam / P. Mrochek-Drozdovskiy. – M.: Universit. tip., 1901. – 314 s., 8 s.
22. Ospennikov Yu. V. Pravovaya tradiciya Severo-Zapadnoy Rusi XII – XV vv.: monografiya / Yu. V. Ospennikov. – M.: Yurlitinform, 2011. – 408 s.
23. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / pod red. S. V. Yushkova. – M.: Gosyurizdat, 1952. – Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. – 287 s.
24. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / pod red. S. V. Yushkova. – M.: Gosyurizdat, 1953. – Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoy Rusi XII–XV vv. – 442 s.
25. Pashuto V. T. Geroicheskaya bor'ba russkogo naroda za nezavisimost' (XIII vek) / V. T. Pashuto. – M.: Gospolitizdat, 1956. – 280 s.
26. Pustoroslev P. P. Gosudarstvennye prestupleniya otnositel'no Gosudarstvennoy Dumy // Vestnik prava. 1906. Kniga vtoraya. S. 75 – 133.
27. Razvitie russkogo prava v XV – pervoy polovine XVII v. / Otv. red. V. S. Nersesyanc. – M.: Nauka, 1986. – 345 s.
28. Rahimova L. M. Ohrana ob'ektov prirody v period feodal'noy razdroblennosti (po materialam gramot i ustavov XII – XV vekov) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 8 (14). Ch. III. S. 162 – 165.
29. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : teksty i komment. v 9 t. / pod obsch. red. O. I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1984. – T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. – 430 s.
30. Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. / B. A. Rybakov. – M.: Nauka, 1993. – 599 s.
31. Rybakov B. A. Rozhdenie Rusi / B. A. Rybakov. – M.: «Aif Print» 2003. – 447 s.
32. Sukiasyan A. G. Istoriya Kilikiyskogo armyanskogo gosudarstva i prava (XI – XIV vv.) / A. G. Sukiasyan. – Erevan: Izd-vo «MITK», 1969. – 334 s.
33. Telelyuhin D. K. Stanovlenie i pravovoe regulirovanie stanichnoy i storozhevoy sluzhby na rubezhah russkogo centralizovannogo gosudarstva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 7. S. 100 – 104.
34. Ugolovnye ustanovleniya Tan s raz'yasneniyami (Tan lyuy shu i). Czyuani 1 – 8. Vved., perevod s kit. i komment. V. M. Rybakova. SPb.: «Peterburgskoe vostokovedenie», 1999. – 384 s.
35. Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. akad. V. M. Koreckogo. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. – 950 s.
36. Shinkaruk V. M. Otvetstvennost' za huliganstvo v rossiyskom ugolovnom prave: diss. k-ta yurid. nauk / V. M. Shinkaruk. – Volgograd, 2002. – 197 s.